

В тот год, когда Дину Юйцину исполнилось девять, в комнату 201 Западного здания, пустовавшую сколько он себя помнил, наконец-то въехали новые жильцы.

Тот день врезался ему в память навсегда. Спустя много лет Юйцин думал, что виной тому было слишком уж мирное, сонное детство, где любое мало-мальски заметное событие становилось вехой. Но с другой стороны — разве такое забудешь? Ведь именно тогда он впервые в жизни встретил Фу Жуньшэна.

Стояла суббота, и во дворе с самого утра царило оживление. Старшая сестра Юйцина, Юйфэнь, подбежала к окну и, на ходу заплетая косы, принялась разглядывать суету на улице. Её страшно удивило, что среди тех, кто таскал вещи, крутился Лю Вайцзуй — Косоротый Лю из отдела охраны.

Мать, Чжоу Хуэй, тут же поправила дочь, напомнив, что нужно говорить «секретарь Лю», и легонько шлёпнула младшего сына пониже спины. Она велела ему немедленно вставать и идти занимать очередь за свиной, тофу и варёным требухом: сегодня домой возвращался старший брат, Юйхуань.

Рука у матери была лёгкой, так что Юйцин лишь лениво перевернулся на другой бок и обхватил её за талию. Он мастерски умел ластиться, и этот приём безотказно действовал на мать.

Услышав шум, из коридора отозвалась бабушка, Ли Шуминь, призывая невестку не трогать внука. Мол, чего ворчать, дети по утрам всегда любят поспать, дело житейское.

Чжоу Хуэй проворчала, что баловать детей нельзя, но дальше дежурных слов дело не пошло. Внучке нужно было на репетицию, невестке — на смену. Старушка собрала им обеим обеда в судках, прихватила сумочку и ушла к подругам-соседкам заниматься рукоделием.

Юйфэнь заплела косы, перекинула две антрацитово-черные змеи за спину, подхватила футляр со скрипкой и убежала.

Мать положила мясные купоны и деньги под перекидной календарь на тумбочке у кровати Юйцина и тоже засобиралась. С порога донёсся её голос:

— Я ушла! Пригляди там за Доудоу.

Доудоу — это было детское прозвище Дина Юйцина, так что наказывала она это, конечно, не ему.

В квартире мгновенно воцарилась тишина. Юйцин ещё немного поворочался в постели и наконец проснулся окончательно. Выбравшись из-под одеяла, он умылся и пошёл завтракать. В маленькой гостиной на комод стояла чёрно-белая фотография его отца, Дина Кана, а перед

ней на тарелке высилась горка пышных, только с пылу с жару паровых пирожков-баоцзы, которые бабушка приготовила с утра.

Дин Кан был красавцем: правильные черты лица, высокая переносица, ясные, словно смеющиеся глаза и целая копна озорных кудряшек. Старожилы на заводе в один голос твердили, что Доудоу в детстве — вылитый отец, будто под копирку снятый. По этой причине, разглядывая снимок, Юйцин всегда чувствовал необъяснимое тепло и близость, хотя отец погиб при исполнении ещё до его рождения.

С портрета Дин Кан с мягкой улыбкой взирал на младшего сына. Юйцин без лишних церемоний стащил с поминальной тарелки пирожок. Баоцзы ещё не остыл, но начинка подкачала: зелени положили куда больше, чем мяса — не так вкусно, как хотелось бы.

Он с аппетитом умял два пирожка и допил из кастрюли остатки жидкой кукурузной каши.

«Ничего, вот вечером вернётся брат, тогда на ужин будет пир горой!»

Прихватив продовольственные талоны и деньги, Юйцин выскочил на улицу.

Маленькое белое здание, Сиреневый дворик — называли это место по-разному, но в округе его знал каждый. Квадратный двор обрамляли два соединённых между собой трёхэтажных здания европейского типа и ровные ряды одноэтажных флигелей. В самом центре, среди аккуратно подметённого пространства, высились каменный стол и увитая зеленью пергола, а вокруг росли пышные кусты сирени.

В те годы подобная архитектура была редкостью. Повсюду лепились неказистые бараки и шумные коммунальные дворы-хутуны, так что Маленькое белое здание казался островком иной жизни. Поговаривали, что до революции в Западном здании размещался клуб иностранных концессионеров, а в Северном здании — квартиры для семей дипломатов. Теперь же здесь селилась в основном элита завода № 176: ведущие специалисты и конструкторы, а также кое-кто из городского партийного руководства.

Бабушка Ли Шуминь до пенсии работала на заводе старшим бухгалтером, а мать трудилась акушером-гинекологом в заводской больнице — по рангу такое жильё им не полагалось. Но перед самым рождением Юйцина его отец погиб при аварии на производстве, и руководство завода из уважения к памяти Дин Кана выделило вдове и матери квартиру на втором этаже Северного здания.

Здесь условия были куда лучше, чем в рабочих общежитиях Цзянбэя: полноценный многоквартирный дом, центральное отопление, никакой возни с углем и печками, а главное — собственные кухня и санузел.

Единственным изъяном было расстояние. До самого завода приходилось добираться через реку на служебном автобусе, что занимало почти три часа в оба конца. К счастью, мотаться туда и

обратно приходилось только Чжоу Хуэй. Бабушка уже вышла на заслуженный отдых, хотя её и пригласили вести бухгалтерию на небольшом благотворительном предприятии при квартальном комитете. Работёнка там была непыльная, всего два-три полудня в неделю, так что у неё оставалось полно времени на внуков. Да и дети росли послушными, хлопот особо не доставляли.

Выйдя во двор, Юйцин заметил Лю Вайцзую, увлечённо беседующего с изящной женщиной. Стоял март, весна только вступала в свои права, повсюду ещё белели островки нерастаявшего снега, а незнакомка была одета в элегантное шерстяное пальто молочного цвета. Её длинные волнистые волосы каскадом спускались на плечи, напоминая облик красавиц с импортных настенных календарей. Секретарь Лю то и дело косился на её грудь, тщетно пытаясь скрыть масляный взгляд.

Четверо грузчиков со взопревшими лицами, несмотря на пронизывающий мартовский ветер, с натугой тащили во двор какой-то огромный, тщательно упакованный предмет.

Женщина молча отступила на шаг, уступая им дорогу. Она была неоспоримо красива: тонкие губы с изящно приподнятыми уголками создавали иллюзию приветливости, однако Юйцину показалось, что в её лице не было и капли тепла. Она не улыбалась.

Лю Вайцзуй суетился рядом, зычно приказывая рабочим поберечь груз и грозя неподъёмными штрафами за любую царапину — вылитый скользкий прихвостень помещика из старого кино.

Словно сглазил: один из грузчиков поскользнулся на обледенелой плитке, и тяжёлый ящик опасно накренился. Лю испуганно вскрикнул, бросился на помощь и навалился плечом, помогая удержать равновесие. После этого он замолк, перестал командовать и сам взялся за край обшитого досками ящика.

В чужом переезде не было ничего интересного. Торопясь в лавку, Юйцин почти бегом направился к арке, но на самом выходе из двора неожиданно споткнулся о мальчишку, сидевшего на корточках в углу.

На вид мальчику было столько же лет, сколько и Юйцину. Он был укутан в тёплую шапку-ушанку, на носу красовались массивные очки в роговой оправе. Мальчик увлечённо чертил что-то обломком кирпича прямо на асфальте. От толчка он лишь слегка качнулся в сторону, даже не взглянув на Юйцина, и методично продолжил выводить свои каракули.

Юйцин, чудом удержавшийся на ногах, ничуть не рассердился. Незнакомец явно был не из местных.

— Ты кто? — с любопытством спросил он.

Мальчик промолчал.

— Я с тобой разговариваю, — не отступал Юйцин. — Вы к нам переезжаете, да?

Тот наконец выдал скупое, неохотное:

— Угу.

Но головы так и не поднял. Юйцин, будучи душой любой компании, не смутился:

— А я Дин Юйцин. Живу в Северном здании, в комнате 203. Будет время — выходи играть!

Мальчик снова промолчал.

Юйцин почувствовал лёгкий укол разочарования, но тут же рассудил, что новичок просто стесняется на новом месте. Ничего, стоит пару раз сыграть в стеклянные шарики-марблс, и они обязательно подружатся.

Он мысленно перебрал содержимое своей заветной жестяной коробки. Если у нового соседа нет своих шариков, он запросто подарит ему парочку самых красивых, благо добра у него хватало. Мать и бабушка всегда учили его делиться и быть щедрым с друзьями.

С улицы донеслись зазывные выкрики из открывшейся мясной лавки. Юйцин спохватился: нужно было спешить, иначе все лучшие куски разберут.

Отойдя на приличное расстояние, он всё же не удержался и оглянулся. Из ворот как раз вышла та статная женщина в белом пальто. Она что-то негромко сказала мальчику.

Тот не шелохнулся. Тогда она коротко, безжалостно пнула его носком сапога. Только после этого мальчишка нехотя поднялся и поплёлся следом за ней во двор.

Юйцин, конечно, и раньше видел, как наказывают детей. Отец его приятеля Эрпана частенько награждал сына такими затрещинами своей лапищей размером с веер, что тот с воплями нарезал круги по всему двору. Но чтобы вот так пинать... Так ведь только бродячих собак прогоняют.

«Наверное, мачеха, — подумал Юйцин с глубоким сочувствием. — Бедняга».

Первая встреча часто задаёт тон всем будущим отношениям. В последующие годы, какие бы невообразимые подлости и каверзы ни выкидывал Фу Жуньшэн, Юйцин всегда смотрел на него сквозь призму этого щемящего детского сочувствия. О том, подпитывала ли эта жалость высокомерие соседа и не позволяла ли ему садиться на шею с ещё большей наглостью, Юйцин предпочитал не задумываться.

Появление новых жильцов в Западном здании долго смаковалось обитателями двора. Вокруг комнаты 201 издавна ходили дурные слухи. Судачили, будто там когда-то стряслась страшная беда, но подробности за давностью лет стёрлись, превратившись в ворох противоречивых сплетен. Одно было бесспорно: дело там было нечисто, иначе квартира не пустовала бы столько времени.

Местные кумушки быстро разузнали подноготную новосёлов. Оказалось, квартиру выделили семье инженера Фу из конструкторского отдела. Личность на заводе приметная: поговаривали, что он из русских полукровок.

В былые времена смешанное происхождение доставляло немало хлопот, да и редкой красотой, как у зарубежных актёров, природа наделяла далеко не всех метисов. Сам инженер Фу выглядел совершенно заурядно, был нелюдим и молчалив, сутками не вылезал из своего конструкторского отдела, так что близко его никто не знал.

Однако слухи на заводе распространялись со скоростью степного пожара. Скоро весь двор шёпотом обсуждал подробности: мать инженера была чистокровной русской, сам он несколько лет назад овдовел, а его нынешняя супруга моложе мужа чуть ли не на пятнадцать лет, писаная красавица, вот только кем она работает — бог весть.

Новые соседи вели затворнический образ жизни и на глаза соседям почти не показывались. Зато к привычной многоголосице двора, где из разных окон доносились трели флейт, хрип саксофонов и пиликанье скрипок, теперь добавились глубокие, чистые звуки фортепиано.

Обывательское любопытство со временем утихло — обсуждать людей, которых никогда не видишь, быстро надоедает.

И лишь Юйцин изредка подкрадывался к своему окну, разглядывая окна комнаты 201 напротив. Впрочем, разглядеть ему удавалось немного: лишь аккуратную книжную полку, обустроенную прямо на широком подоконнике.

Когда они встретились во второй раз, Юйцин даже не сразу узнал своего соседа.

После репетиции школьного оркестра барабанщиков и горнистов он пошёл относить инструменты в подсобку. Там, за пианино, сидел тот самый мальчик в очках. Держа спину безупречно прямо, он самозабвенно перебирал клавиши.

Старенькая учительница музыки, стоявшая рядом, тихонько утирала слёзы краем платка.

Юйцин прекрасно знал эту мелодию — знаменитую «Лян Шаньбо и Чжу Интай». Сестра одно время пилила её на своей скрипке с утра до вечера, так что у него зубы заходили ходуном от этих заунывных звуков.

Когда Юйцин вошёл, на него никто не обратил внимания.

Мальчик закончил играть, плавно снял руки с клавиш и, повернувшись к учительнице, произнёс ровным голосом:

— Я пойду домой.

Держался он на удивление холодно и отстранёно. В его тоне не было ни капли привычного детского заискивания перед взрослыми; казалось, говорит не ученик с преподавателем, а равный с равным, если не старший с младшим.

Учительница, пожилая хромая женщина, безропотно кивнула. Юйцин внутренне изумился: всё-таки она была учителем, и такое обращение казалось верхом дерзости.

Попадись этот парень на глаза грозному завучу, тот живо спустил бы с него шкуру за подобное высокомерие. Но старушка лишь тихо, печально вздохнула.

Уходя, мальчик мимолётно скользнул взглядом по Юйцину — по крайней мере, так показалось. Разобрать из-за громоздких стёкол очков было трудно.

Юйцин аккуратно пристроил горн на полку и вышел из кабинета. Длинный школьный коридор встретил его гулкой пустотой. Юного пианиста и след простыл.

<http://bllate.org/book/19415/1934068>